

◆ Николай Свечин ◆

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

КАК ЛЫКОВ НЕ СТАЛ ГЕНЕРАЛОМ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.
С24 Как Лыков не стал генералом : роман / Николай Свечин. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172723-9

В сборник известного автора исторических детективов Николая Свечина вошли хорошо известные рассказы и одна новая повесть — все из цикла расследований Алексея Лыкова.

Если вы думаете, что искусство экорта — явление современности, то вы ошибаетесь. Им владели женщины еще во времена Империи, в которой даже Великий князь не был чужд плотских утех. Интрига, связанная с его любовницей, легла в основу повести. Как быть женщине, если у нее два любовника, вы выбрать нужно одного? возможно единственный выход — исчезнуть из числа живых...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172723-9

© Свечин Н., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Дело молитовских отравителей

25 марта 1880 года в Шуваловском лесу был найден труп пожилого мужчины. Он был убит несколькими ударами топора в голову, неумелыми, но сильными; лицо обезображено, бумаг никаких не обнаружено. Судя по одежде и белью, покойный был человеком обеспеченным. Гладкие ладони с бугорком на безымянном пальце левой руки указывали, что он — левша, а род его занятий — кабинетная работа.

Убитого нашел случайно лесной кондуктор, ♦ прове-
ривший незаконные порубки. Место для сокрытия трупа
было выбрано с умом: небольшой заваленный упавшим
сухостоем лесной овраг в стороне от тропинок. Кондуктора
насторожила валявшаяся на пригорке перчатка. Снег поч-
ти везде уже стаял, оставаясь только в низинах. Разглядеть
с седла небольшую вещицу было трудно, но молодой па-
рень, из отставных егерей, мимо не проехал. Когда он спе-
шился, чтобы поднять перчатку, то увидел в сажени от нее

♦ Лесной кон-
дуктор —
помощник
лесничего.

двугривенный. Шагнул к нему — нашел далее два полтинника. Заинтересовавшись, кондуктор сделал уже десять шагов вперед, туда, куда указывала цепочка брошенных предметов, и обнаружил в овраге труп.

Благово послал курьера объехать все четыре нижегородские части — нет ли объявления о пропаже схожего по приметам человека. Таковых не оказалось. В Первой Кремлевской исчезла младшая сестра купчихи Рябининой, девица Софья Михайловна, но это история известная. Молодая совсем, а клейма ставить уже негде: каждый год убегает с очередным юнкером высокого росту...

До конца дня никаких сведений об убитом собрать не удалось. Доктор Милотворский сделал вскрытие: вчера за ужином старичок съел жаркое с грибами. Ну и что?

В этот же несчастливый день в городе случилось еще одно убийство. Белодеревец Мушкетов стоял возле трактира «Кот», что в Гордеевке, и дожидался товарища, когда к нему подошел незнакомый субъект. По виду мелкий торговый человек, он был слегка выпимши.

— Как тебя зовут? — спросил неизвестный Мушкетова.

— Иван, — ответил тот, удивленный таким любопытством.

— Ну, а раз Иван, то получи!

И ударом ножа нанес белодеревцу смертельную рану в живот, после чего скрылся во дворах.

Через два часа после этого дикого происшествия сыскной надзиратель Макарьевской части Здобнов донес, что личность убийцы установлена. Некий Дормидонт Ширококов, обыватель с 14-й линии Кунавинской слободы. Совершенно ничем не примечательный экземпляр: пьяница и лодырь, каких половина России. За что он зарезал несчастного столяра, неизвестно; вполне вероятно, что преступник и сам этого не знает...

Теперь поимка негодяя стала лишь делом времени. Отоспится в каком-нибудь притоне, утром вспомнит, что наделал, и ударится в бега. Бежать он может либо в родную деревню (Кременки Макарьевского уезда), либо к брату, сторожу Дворянского института. Там или там, но завтра Широкова возьмут; здесь все предсказуемо. А вот тело в Шуваловском лесу...

К семи часам вечера Благово вместе с полицмейстером Каргером вызвал к себе новый губернатор Безак. Лишь позавчера он прибыл в Нижний Новгород на смену ушедшему Кутайсову, и сразу такое... Генерал-майор Свиты Его Императорского Величества, выпускник двух академий и кавалер боевого Владимира за участие в сражении при Филиппополе. Злые языки говорили, правда, что на турецкой войне Николай Александрович был только три дня и ездил туда за орденом и генеральскими эполетами (получил и то и другое). Те же языки намекали, что из Безака готовят министра — как-никак крестный одной из императорских дочерей... Благово

встречался с новым начальником губернии во второй раз и успел понять, что тот человек умный и не злой; уже хорошо по нынешним временам. Особенно в сравнении с Кутайсовым...

На этот раз Безак был хмур и шутил через силу:

— Что это у вас, господа полицианты, уже по два человека за день убивают? Эдак скоро в Нижнем населения не останется — кем я стану руководить?

— А вот погодите, ваше превосходительство, когда снег весь сойдет, — пообещал губернатору Каргер. — Человек десять покойничков сразу обнаружится; мы называем их «подснежниками».

— Да ну! — ахнул Безак. — И вы мне так спокойно об этом говорите?

— Что ж поделать, ваше превосходительство...

— Зовите меня Николай Александрович. Давайте без чинов, нам вместе служить. Это и к вам относится, Павел Афанасьевич.

— Слушаюсь. Так я говорю — что ж поделать, ежели так неизбежно повторяется каждую весну?

— Это еще мелочи, Николай Александрович, — попробовал утешить начальника губернии Благово. — В Петербурге об эту пору собирают ежегодно до восьмидесяти мертвяков.

— Святой боже... И что?

— Списывают на несчастные случаи и самоубийства. Хотя все понимают, что две трети из них — жертвы умышленных преступлений.

— А ведь по отчетности — я читал — в столице в год числят не свыше двух десятков убийств, — пробормотал Безак. — Втирают очки государю и не стыдятся...

— На самом деле убийств бывает до сотни, и это без пригородных местностей; с последними еще более, — продолжил Благово. — Но бог с ней, со столицей, у нас свои приключения. Прикажете доложить?

И начальник сыскного отделения сжато рассказал обоих случившихся за день злодействах. В заключение высказал твердую уверенность, что Широбоков завтра утром непременно будет схвачен и, скорее всего, в Кременках. Туда пошлют Лыкова — от него еще никто не уходил. А вот с шуваловской находкой сложнее: куда не установим личность покойного, следственные действия вести невозможно.

Имя убитого было выяснено через сутки после этого разговора. Широбоков уже сидел в остроге — его взяли на квартире у брата (Лыков скатался в деревню без пользы). Кстати, поганец действительно не смог вспомнить, за что зарезал несчастного столяра. «Чевой-то, вашебродие, нашло... прям за душу-то и взяло! Эх, думаю, жисть! Простору нету! ну, и тово...» Беседа в подобном ключе подходила к концу, когда пристав Рождественской части прислал к Павлу Афанасьевичу помощника нотариуса, некоего Подгаецкого. Тот подал явочное прошение: ♦ его хозяин, нотариус Антов, бесследно исчез и не появляется ни дома, ни в конторе уже более сорока часов. Что на него не похоже... Возраст

♦ Явочное прошение — заявление о пропаже (вещей либо человека).

пропавшего — шестьдесят один год, телосложения среднего, и он левша.

Лыков и Титус — помощник начальника сыскной полиции и заведующий столом розыска — выехали для осмотра конторы и жилища погибшего. Антонов занимал для своего дела три комнаты во втором этаже дома Обрядчиковых на Рождественской улице. По наведенным справкам, он был человеком уравновешенным и порядочным, но очень замкнутым. Имел серьезную клиентуру среди нижегородского купечества, особенно между старообрядцами основных толков. Являлся многолетним причетчиком домово́й церкви беспоповцев. Вдовец, жил одиноко в собственном небольшом домике в Панской слободе. Пребывал в достатке, но жизнь вел скромную, без мотовства. Его помощник Андрей Александрович Подгаецкий, бесцветный, сублильный человек лет 28, был, видимо, встревожен происшедшим. Теперь ведение всех дел конторы свалилось на него одного. Подгаецкий немного растерялся, но не робел — он уже четыре года служил у старика и знал всю кухню наизусть, справится. С другой стороны, теперь помощник сделался хозяином отлаженного дела, с готовой клиентурой... Алексей по этому сразу записал его в подозреваемые.

— Когда вы видели вашего хозяина в последний раз?

— Он мне не хозяин, а работодатель. Был.

— Ответьте, пожалуйста, на заданный вопрос.

— В четыре часа пополудни 24 марта он ушел из конторы домой. Обычно мы сидим до шести, но Парфен

Семеныч сказал, что у него болит голова. Такое иногда случалось, когда менялась погода. А в тот день как раз пошла резкая оттепель, так что я и не удивился. Но на следующий день Анто́в всегда появлялся; а тут десять часов, одиннадцать, половина двенадцатого... Ни его самого, ни записки. В обеденный час я отправился к Парфен Семенычу домой, а прислуга мне заявляет, что он и ночевать не приходил! Признаться, тут я даже успокоился.

— Почему? Такое уже бывало?

— Один-два раза в год шеф загуливает. Загуливал... Мужчина он был еще очень живой и совсем не бедный, но строгих правил. И очень скрытный! Никаких там девок — только честные вдовы, притом не из простого звания. Город у нас купеческий — в честных вдовах недостатку нет-с! Все было весьма пристойно, без огласки; только я один и знал, что есть у Парфен Семеныча такая слабость. Раз в полгода он менял себе пассию и тогда пропускал присутственный день. Вот я и подумал: опять оскоромился, старый хрен... Но когда и назавтра Анто́в не появился, я обеспокоился и побежал в полицию.

— У вас были в последнее время какие-нибудь скандалезные дела? Ну, вы понимаете: подозрительное завещание, сомнительная купчая...

— Понимаю, но сразу отвечаю: нет! Вы не знаете Парфен Семеныча. Очень щепетильный, очень осторожный! У нас имеются в городе два таких нотариуса, о каких вы говорите. И они еще зададут вам, сыщикам,

работы. Но мы не из них-с. Нет, по роду занятий своего работодателя я не предполагаю никаких угроз его жизни. Думаю-с, вам надобно искать вдову. Очередную вдову, которая на этот раз — увы! — не оказалась честной. Где-то же ведь он заночевал! И там его убили...

Лыков отпустил помощника, ставшего вдруг незначай целым нотариусом, и поехал беседовать с кухаркой погибшего. Та оказалась бестолковой старухой, к тому же растерявшейся: вся ее размеренная понятная жизнь рухнула в одночасье. Однако на вопрос о похождениях Антова по вдовам решительно ответила, что за хозяином подобного никогда не числилось. Дворник, он же кухонный мужик, рассказал и того меньше; в доме покойного подсказок не обнаружилось.

Попытки собрать какие-либо сведения об Антове в других местах оказались столь же бесплодны. Выяснилось, что покойный вообще мало чем интересовался. Он даже в карты не играл! Родственников у Парфена Семеновича не оказалось, ни в клуб, ни в компанию сверстников он не хаживал. Только работа, дом и заботы по обязанностям причетчика — но и там он был замкнут и закрыт для единоверцев. Очень удобный объект для преступлений! Убили человека — и не у кого даже спросить о нем... Показание Подгаецкого, таким образом, проверить не удалось, но оно оставалось единственным, дающим хоть какое-то направление для поисков.

В восемь часов пополудни состоялось совещание у Благово. Первым доложил Лыков. Следом Титус рас-

сказал о результатах опроса немногочисленных обитателей Савеловской Гривы, как еще называли Шуваловский лес. Вроде бы какая-то пролетка появлялась со стороны Молитовки... Ни примет возницы, ни описания экипажа, ни даже точного времени. Татарин-старьевщик слышал храп лошади, когда «уж давно, как стемнело». Стало быть, в четыре часа Антош вышел из своей конторы на Рождественской и где-то употребил жаркое с грибами. А примерно в девять вечера его, уже мертвого, сбрасывали в овраг на другом берегу Оки, в шести верстах от кунавинских окраин.

Совещание было прервано внезапным появлением пристава Второй Кремлевской части ротмистра Фабрициуса. Он вбежал встревоженный, стукнул об пол саблей и выдохнул:

— Ивана Бурмистрова отравили! Насмерть.

— Мор напал на наш бедный город... — пробормотал Благово, хватаясь за фуражку. — Третий покойник за три дня. Поехали!

Иван Михайлович Бурмистров, член известной в городе промышленно-купеческой фамилии, проживал с молодой женой в собственном доме на Большой Печерской, возле Троицкой Верхнепосадской церкви. Когда полицейские прибыли в особняк, они застали там супругу Анастасию Павловну, только что ставшую вдовой, и гостя дома — некоего Василия Георгиевича Гаранжи, отставного поручика. В зале на столе красовались остатки торжественного ужина — с вином, дичью

и фруктами. Хозяйка дома лежала в спальне в полуобморочном состоянии, растрепанная и вся какая-то зеленая. Она была еще молода, но толста и некрасива. В противоположность ей Гаранжи являлся писанным красавцем. Высокий, атлетично сложенный кудрявый брюнет с ухоженными офицерскими усиками и ярко-голубыми глазами, он был просто великолепен даже в состоянии шока. А он был именно в таком состоянии: тоже зеленый, со следами рвоты на сюртуке, с испуганным взглядом... Поручик шлялся по дому, всем мешал дурацкими вопросами и то и дело бегал в ретирадное.

В кабинете же, прямо на полу, лежал Иван Бурмистров. Руки и ноги сведены судорогой, на бороде черная пена, зрачки расширены, зубы стиснуты намертво. Над телом склонился полицейский врач Милотворский.

— Что скажете, Иван Александрович? — тронул его за рукав Благово.

— Симптомы отравления растительными алкалоидами. Борец или жабрей; возможно, болиголов. Более точный ответ даст только анализ, Павел Афанасьевич.

— По методу Стаса?♦

— Вы и здесь специалист? Не голова у вас, а Правительствующий Сенат.

— Как быстро сможете дать заключение? Метод очень трудоемкий.

— Если пошлете курьера в Москву за реактивами — в Нижнем таких нет, — то через три дня.

♦ Бельгийский химик Жан Сервэ Стас в 1851 г. открыл метод обнаружения растительных ядов в тканях жертв.

— Вдову уже осмотрели?

— Да, и господина Гаранжи за компанию. Такое же отравление, но в меньшей дозе. Им очень повезло — ели ту же пищу, что и покойный, но уцелели.

— Выясните это поподробнее: ту или все-таки немало другую? Нет ли здесь имитации?

— Вы полагаете? — вскинул брови доктор.

— Полагаю, Иван Александрович, еще как полагаю. Молодая жена, старый богатый муж и красавец «гость дома». Ничего не навевает?

— Понял вас, — пробормотал Милотворский и немедля отправился в гостиную.

Тут в кабинет ворвался Гаранжи, театрально ударился головой об косяк и вскрикнул:

— Это я его убил! Все мои перепела! А я еще смеялся... Проверьте дичь, господа, — она всему виною!

— Какие еще перепела, господин Гаранжи? — насторожился Благово. — Кого вы убили?

— Там, на столе, в тарелках. Мои перепела. Я их захватил с собой угостить Ивана Михайловича, он большой любитель вкусно покусать. Птицы кавказские, я привез их еще в начале зимы, когда приехал сюда после отставки искать места. На Кавказе иногда травятся перепелами — очень редко и не до смерти, но случается... Я еще рассказал об этом, мы посоветовались и решили жарить их долее обычного. И вот! Первой почувствовала себя плохо Анастасия Павловна, а потом... а потом...

И Гаранжи снова стукнулся красивой головой об стену и взревел белугой.

— Только без истерик, Василий Георгиевич! Рассказывайте дальше, и в деталях.

— Иван Михайлович побледнел, встал, извинился и выбежал в кабинет. Я пошел за ним следом, встревоженный, но сам еще ничего не чувствовал. Бурмистров сказал, что у него сильная колика в желудке. Потом вдруг как началось! Внезапно и очень быстро... Он упал на спину, где стоял; завязались судороги, у него потекли черные слюны — фу! — а потом и пена пошла изо рта. Тоже черная... Тут из гостиной закричала Анастасия Павловна, и я бросился туда. Минут пять бегал из кабинета в гостиную и обратно, а затем и у меня открылось... Я перепугался. Решил — все, помираю. Потом все же встал и пытался помочь, в первую очередь, конечно, даме. Послал прислугу за врачом, разыскал рвотный камень, горничную заставил делать промывание желудка, сам на какое-то время застрял в отхожем. А когда снова пришел в кабинет, увидел вот это... Его убили мои перепела. О боже!

Благово вызвал Милотворского и велел Гаранжи рассказать ему о своих подозрениях относительно дичи. Иван Александрович задумался.

— Да, в литературе я встречал описание таких случаев. Они редко бывают смертельны, но при слабом сердце возможен и роковой исход. Хотя... Послушайте! А ведь это действительно все объясняет!

— Что именно? — востроенулся коллежский советник.

— Симптомы. Это симптомы отравления кониином! Как я сам не догадался? Расширенные зрачки, парестезия кожи, судороги, восходящий паралич тела, затем паралич дыхания и, как следствие, смерть. Полагаю, что это болиголов!

— Болиголов?

— Да. Страшное растение, но перепела действительно могут есть его безо всякого для себя вреда. Необъяснимый факт. В болиголове, кроме кониина, содержится еще и коницетин. Эти два яда убьют лошадь, не то что человека. Но таких случаев — один на миллион! Действительно, ужасное невезение... Господин Гаранжи, мне понадобятся ваши рвотные остатки. И госпожи Бурмистровой тоже.

— Мои все в ретирадном. Обещаю, когда меня опять начнет выворачивать, немного сберечь для вас в какой-нибудь посуде. А относительно Анастасии Павловны, так это к ее горничной; там этого добра целый таз. Ой! кажется, опять началось! Извините, господа...

И отставной поручик умчался прочь.

Благово тут же повернулся к Лыкову, который, как он заметил, очень внимательно и недоверчиво слушал рассказ Гаранжи.

— Что скажешь, Алексей? Ты ведь тоже служил на Кавказе. Такое там действительно случается?

Тот ответил очень серьезно:

— Именно потому, что я бывал на Кавказе, у меня есть своя версия. Возможно, Гаранжи просто не ожидал встретить здесь человека, знающего, как и он, эту историю...

— Что за история?

— Это туземная история, среди русских она известна единицам. Если мы найдем мотив...

— Ну, хорошо. Закончим здесь свои дела — их еще много, и по пути в управление расскажешь.

Два часа продолжался тщательный осмотр всего особняка. Сыщики обыскали жилые комнаты, включая помещения прислуги, кухню, ледник, служебные постройки. В отдельный мешок сложили лекарства, что обнаружилось в доме, все пузырьки, бутылки с жидкостями, сосуды со святой водой, вина и наливки из буфета. Забрали на анализ также посуду, в которой готовили и из которой ели несчастных перепелов, и графин с настойкой, что стоял на столе в гостиной. За это время барыне стало легче, и она удалилась в свою спальню, а Гаранжи уехал на извозчике к себе. Назавтра ему, если позволит здоровье, предстояло явиться в сыскное отделение на допрос.

— Так что за историю ты имел в виду? — спросил Благово Лыкова, как только они уселись в служебную пролетку.

— Это очень старая история, которую даже в горах знают не все. Я услышал ее случайно. В 1878 году, после окончания войны, я еще четыре месяца ло-

вил в Дагестане и Чечне абреков. Они помогали туркам, и, заключив мир, мы принялись за этих ребят всерьез... В нашем отряде были туземные милиционеры: аджарцы и осетины. И вот один из них как-то у костра, за ужином, рассказал эту полулегенду-полубыль. Тогда на ужин тоже оказались перепела — настреляли для своих нужд. И Мамед-Гасан сказал: «Не отравиться бы, как тот владетель». Его, конечно, спросили, о ком он говорит, и он поведал... В самом начале века младший брат владетеля Ахалцихского пашалыка отравил своего старшего брата, чтобы занять его место. С помощью перепелов. Эти необычные птицы действительно могут есть семена самых опасных растений безо всякого для себя вреда, но мясо их делается при этом ядовито. Отрава накапливается в дичи, которая совершенно здорова на вид и неотличима от прочих, не опасных, птиц. Осенью перепела особенно жирны. В это время содержание яда в них становится уже смертельным; даже картофель, поджаренный на их жире, убивает. Зная это, коварный братец за лето выкормил одну заранее пойманную птицу ягодами и семенами цикуты и — болиголова! А затем устроил пир для любимого родственника. Перепела, совершенно одинаковые по наружности, были приготовлены в разной посуде. Убийца потом сложил их вместе, на одно блюдо. Посвященный в заговор слуга спокойно положил хозяину на тарелку здоровую птицу, а владетелю — ядовитую. У всех на глазах... И получилось, как у нас сегодня: все вроде бы ели

одно и то же, но один умер, а остальных лишь вырвало. Видимость такая, что под Богом вместе ходили, и человеку просто не повезло. А на самом деле — обдуманное преднамеренное убийство.

— Оч-чень любопытно, — лаконично прокомментировал Благово и на минуту замолчал. Потом приказал вознице: — В полицейский морг!

Повернулся к Алексею и спросил:

— Значит, главное — готовить в разной посуде?

— Да, а потом съесть несколько ложек отравленного бульона. Нам надо срочно найти и допросить кухарку. Бурмистрова сказала, что отпустила ее на три дня в деревню сразу после того, как та приготовила ужин. Подозрительно!

— Кухарку мы, конечно, найдем, но, если твоя версия верна, ее подкупили и на время от нас спрятали. Деньги там большие, дать могли столько, что мы ничего от этой бабы не узнаем. Я с подобным сталкивался. Маклер хлебной биржи Иван Лельков убил свою супругу, чтобы жениться на ее сестре. Все знаю: как, когда, кто помогал. Доказать ничего не могу... Пусть Титус завтра из-под земли достанет эту кухарку, а ты займись поручиком. Служил на Кавказе, значит, имел возможность слышать твою историю. Птиц привез оттуда в начале зимы. Мог он купить у какого-нибудь недоброго человека ядовитую перепелку? По особому заказу...

— Мог. И головой об косяк Гаранжи бился ненатурально. Надо покопаться в его прошлом. Как он ока-

зался в Нижнем Новгороде, на какие средства живет, что о нем думают в полку. И особенно: какова его роль в доме Бурмистровых? Красавец, а муж стар и занят делами. Совместные ужины, он «друг семьи»... Дурно пахивает.

— Чтобы навести справки, надо посылать агента к месту его службы. На письменный запрос мы получим отписку. Сам знаешь. Готовь Фороскова в командировку.

— Слушаюсь. Завтра изучим формуляр поручика, выясним, где служил. Кавказ большой!

Подъехали к моргу. Милотворский в кожаном забрызганном кровью фартуке раскладывал в стеклянные банки фрагменты внутренних органов несчастного купца, отдельно упаковывал содержимое его желудка и кишечника.

— Иван Александрович, — сказал ему Благово с привычным равнодушием опытного полицейского, — не забудьте про птиц. Постарайтесь «привязать» каждую и к кастрюле, и к тарелке. У Алексея Николаевича есть удивительная, но очень правдоподобная версия. Для ее проверки нам очень важно понять: перепелов готовили в одной посуде или в разных?

— Это лучше спрашивать у повара, а не у патологоанатома.

— Спросим в свое время. Когда найдем... Лакей и посудомойка на месте, а кухарку отпустили в деревню. Совсем за дураков нас держат, что ли? Ну, не будем мешать; помните мою просьбу насчет посуды. Вы

давеча говорили про реактивы, что их надо заказывать в Москве. Напишите прямо сейчас, что и в каких количествах вам необходимо, и утром мой человек отправится в Москву.

— А я, батенька, все уже написал. Вот: три реактива. Рене, Фреде и Манделена, по двадцать золотников каждого. Проверим все возможные варианты. Я погорячился тогда насчет кониина. У стрихнина — алкалоида рвотного ореха и дигиталина — алкалоида красной наперстянки схожие с ним симптомы.

— Послезавтра утром все будет у вас на столе. Засим — откланиваемся!

Алексей оказался дома в половине третьего ночи, а в девять утра, не выспавшийся и хмурый, уже изучал указ об отставке ♦ поручика Василия Гаранжи. Сам поручик в это время в приемной ожидал вызова на допрос.

♦ Указ об отставке — удостоверение личности отставного офицера, заменяющее ему паспорт.

Лыков внимательно читал строки указа, изучал почерки, чернила, характерные служебные обороты. Потом занялся печатью, которая заверяла в самом конце документа подпись командира полка и скрепу адъютанта. Лизнул палец, приложил к отпечатку, и на его коже остался едва заметный черный след.

— Есть, Павел Афанасьевич! Это не мастика, а сажа. Переводили с копченого стекла.

— А в записях как?

— Указ пишется на основе послужного списка, форма которого строго определена. В списке ставятся

жалованье и два вида дополнительного довольствия: столовые и квартирные деньги. А здесь записаны также и порционные. Это нарушение. И еще: по окончании Елисаветградского юнкерского училища Гаранжи был выпущен в 16-й Мингрельский гренадерский полк. Хороший, кстати сказать, полк... В 13-ю роту!

— Ну и что?

— Правильное название — не 13-я, а 1-я стрелковая. В пехотных полках по случаю войны ввели четвертые батальоны, но сделали их четырехротными. А раньше было три батальона по пять рот в каждом. Из них четыре роты линейные, а одна — стрелковая, с тем же номером, что и батальон. То есть линейные роты имели номера с 1 по 12, а стрелковые — с 1 по 3. Когда Гаранжи вышел в полк, война уже закончилась, и снова вернулись к прежним наименованиям. Тот, кто поддельвал формуляр, этого не знал. И вообще, указ писал не офицер. Человек, имеющий некоторое представление о воинском документообороте, но не офицер.

— Юнкер?

— Может быть. Тогда этот юнкер, скорее всего, наш Гаранжи, выдающий себя за отставного поручика. Но подделка мастерская: четыре разных почерка. У Василия талант!

— Не будем сейчас тыкать его в ошибки формуляра, сделаем вид, что мы этого не заметили. Пошлем формальный запрос в полк, а Форосков произведет настоящую проверку на месте. Зови нашего красавца.

♦ Переходный костюм — демисезонный.

Гаранжи сегодня действительно оказался еще величественнее, чем вчера. Зелень со щек исчезла, так же как и суетливость. В модном переходном костюме ♦, безукоризненно вежливый, но преисполненный достоинства, Василий Георгиевич охотно ответил на все заданные сыщиками вопросы. Рассказал он при этом следующее.

В конце ноября прошлого, 1879 года, когда Гаранжи служил подпоручиком в Мингрельском полку, у него вышло столкновение с батальонным командиром майором Риппсом. Тот стал навязчиво ухаживать за его единственной и любимой сестрой Еленой. А когда получил отпор, принялся распускать в отношении барышни грязные, оскорбительные слухи. Подпоручик потребовал от майора объяснений, Риппс ответил грубостью и угрозой военного суда. Ну и получил по морде...

— Понимаете, господа, — объяснял Гаранжи, — он старше меня на три чина. Стало быть, дуэль между нами невозможна, вот майор и счел себя в безопасности. Общество это сознавало и было на моей стороне. Поэтому удалиться из полка предложили нам обоим. Когда мы оказались на положении статских, я тут же прислал Риппсу форменный вызов. Так он сбежал из Тифлиса менее чем за сутки! Чем доказал свою трусость. А мне, в знак косвенного признания моей правоты, даже присвоили при отставке следующий чин поручика.

Оказавшись без службы, Василий Георгиевич приехал в Нижний Новгород к полковому другу Ивану Турусову, служащему лесничим Шуваловской дачи.

Четвертый месяц он живет на служебной квартире лесничего в селе Молитовка и ищет места. Ведет весьма скромный образ жизни на те средства, что достались от умерших родителей — они с Еленой сироты. Денег хватит еще примерно на год. Но ему уже обещана хорошая должность на железной дороге, которая освободится к осени!

— Где мы можем получить подтверждение вашей истории?

— В полку. Но там, скорее всего, ответят отпиской: вышел в отставку по семейным обстоятельствам. Не станут же они рассказывать про драку между офицерами... Лучше запросить мужа моей сестры, статского советника де Рошефора. Елена недавно вышла замуж... Де Рошефор — серьезный человек, занимающий ответственную должность в канцелярии кавказского наместника. Он врать не станет! Проживают супруги в Тифлисе, на Головинском проспекте, в собственном доме.

— Как и когда вы познакомились с Бурмистровыми?

— В декабре прошлого года, вскоре после приезда, в той же Молитовке. У них там хорошая дача, на которой можно жить даже зимой. Стоит она через дорогу от квартиры Турусова. Как раз случилось Рождество, нас по-соседски позвали в гости, завязалось знакомство. Иван Михайлович сразу проявил ко мне участие; именно он, царствие ему небесное, и приискал мне место на дороге. Как теперь будет с этим местом? Обманут ведь...

— Отношения стали близкими?

— А что вы имеете в виду? — вскинулся Гаранжи.

— Положение друга семейства — это отношения достаточно интимного свойства. Вы — молодой интересный мужчина — оказались вхожи в дом, где муж старше своей жены на тридцать пять лет. Согласитесь, это вызывает вопросы.

— Наверное, вы правы — подобные вопросы неизбежны. Но это были чисто дружеские отношения, честное слово! Иван Михайлович любил давать советы, а я любил их слушать и принимал с благодарностью. Поэтому, думаю, он мне и помогал столь охотно. Некоторым он, я знаю, своими советами надоедал, а мне нет.

— Анастасия Павловна тоже советы давала?

Гаранжи замялся, потом, смущаясь, сказал:

— Анастасия Павловна очень добрая и порядочная женщина. Я, конечно, общался много и с ней тоже, и... у меня сложилось впечатление, что Иван Михалыч не против этих наших бесед. Он же неглупый был человек и понимал... У него возраст, и дела времени много отнимали... А тут молодая женщина, живая, ей развлечения необходимы! И уж лучше это буду я, человек воспитанный, не испорченный, и — назовем вещи своими именами — зависимый, ожидающий по его милости места. Я это чувствовал и ничего плохого в том не видел! Бурмистров и деньгами меня иногда выручал. Немного и не часто; часто я не позволял, но случалось. Я остался

должен ему сто семьдесят рублей. Вообще же, поймите: трудно в чужом городе одному, без знакомств, без уголка, где тебе рады. И дом Бурмистровых стал для меня таким уголком! Понимаю, что злые языки все могут перевернуть, и даже неизбежно перевернут. Возможно, уже и перевертали. Но вы разберитесь, господа, разберитесь!

— Мы разберемся. Что за «злые языки» вы имели в виду?

— У Ивана Михайловича есть брат, Дмитрий Михайлович. Эдакий патриций купецкого разлива: властный, себялюбивый, почитающий свою персону выше других. А у него имеется жена, столь же эгоцентричная особа, да еще и из рода Рукавишниковых. Вот им я точно не нравился!

— Почему же?

— Да в рот патрицию не смотрел. А главное, к Ивану Михайловичу с уважением относился, а они его за дурачка считают. Считали... А он был порядочный и серьезный человек, отнюдь не расположенный позволять кому бы то ни было резвиться за его спиной и дурачить.

— Хорошо. Перейдем к перепелам. Откуда они взялись?

— Я привез, из Тифлиса. Купил их дюжину перед отъездом, уже забитых и замороженных, кое-как доставил в Нижний, положил Ивану на ледник. Турусов большой их любитель. Мы с ним штук шесть за зиму истребили, и ничего с нами не случилось; перепела как перепела. Я поэтому и не опасался... Вчера днем привез

три тушки из Молитовки в дом к Бурмистровым, еще несколько осталось. Возьмите их, кстати, для анализа!

— Возьмем. У кого именно вы купили птиц?

— Бог его знает, не помню. На базаре, у какого-то аджарца, там их много и все с перепелами.

— Последний вопрос на сегодня, Василий Георгиевич. Вы не знаете, как было составлено завещание Бурмистрова?

— Хгм... Об этом лучше спрашивать Анастасию Павловну. Я не посвящен в детали, но знаю, что до последнего времени завещания не было вообще. И ее это беспокоило. Упомянутый мною Дмитрий Михайлович Бурмистров хоть и младший брат, но семейное дело держит в кулаке; Иван Михайлович был у него на подхвате. Отношения между деверем и снохой не заладились с самого начала, он считал ее выскочкой и не ровней их фамилии. Жена его, Варвара, урожденная Рукавишникова, и вовсе ее ненавидела. Случись что, они раздели бы вдову как липку — все концы у них! Я дважды был свидетелем того, как Анастасия Павловна говорила об этом с Иваном Михайловичем. В первый раз муж осерчал, даже запретил жене заикаться на эту тему, сказал, что помирать не собирается. Но, как говорится, ночная кукушка дневную перекукует, и вторая при мне беседа была уже другой. Из нее я догадался, что завещание господин Бурмистров составил и права супруги там должным образом защищены. Анастасия Павловна при мне лобызала Ивана Михайловича, бла-

годарила, и он также был, видимо, доволен восстановлением семейного мира. Но все равно лучше прочих об этом расскажет сама вдова. Какое ужасное слово, бр-р...

— А кто их нотариус?

— Не имею ни малейшего понятия.

— Довольно для первого раза, Василий Георгиевич. Я попрошу вас сообщать в полицию о всех предполагаемых вами отлучках. Это не домашний арест, отнюдь, но мы ведем расследование смерти человека и еще не раз будем встречаться с вами по этому печальному поводу.

— Слушаю-с.

— Сейчас подождите в приемной господина Лыкова, он через минуту освободится, и вы поедете с ним в Молитовку за оставшимися птицами.

Гаранжи откланялся и вышел.

— Как он тебе сегодня? — спросил Благово Алексея.

— Гораздо лучше, чем вчера. Держится естественно и с достоинством, которое трудно сохранить в его теперешнем положении. Он же понимает, что является главным подозреваемым. Я начинаю думать, что действительно произошла трагическая случайность. Гаранжи вызывает даже сочувствие: один, в чужом городе, без средств, без места, теперь еще и с пятном на репутации...

— Да, Василий Георгиевич умеет нравиться и делает это как профессионалист. Ты замечал, что есть люди, сознательно пытающиеся нравиться? Он как раз из таких.

Я убежден, что Гаранжи убийца. Ты давеча хотел мотив; теперь он у нас имеется.

— Завещание?

— Разумеется. Ты знаешь, как поступает наше законодательство в случаях, когда супруг умирает, не оставив волеизъявления?

— Нет.

— В этом вся суть! Вдове гарантирована только четвертая часть движимого имущества, и ничего более. А если у покойного не было денег в шкатулке или на банковском счете и он не конезаводчик? Если его капитал — в паях обществ, в фабриках и доходных домах, в земельных участках, наконец, то все это достается прямым родственникам за вычетом жены.

— То есть тому же Дмитрию Михайловичу Бурмистрову.

— Да. Их двое братьев, родители давно умерли, а детей Анастасия Павловна родить не успела. Богатства же семейства Бурмистровых заключаются в их торговом доме — они крупнейшие мануфактуристы Нижнего Новгорода. Кроме того, им принадлежит большая доля в железодельном заводе Рукавишниковых, что в Канавине. А еще три магазина на ярмарке и в Гостином дворе и два доходных дома. Из всего этого, при отсутствии волеизъявления, вдове не досталось бы ни копейки. Нам необходимо срочно найти завещание и допросить нотариуса, его скрепившего, как все было на самом деле.

— Вы полагаете, Анастасия сдонжила мужа составить духовную в свою пользу, а потом вскорости отравила его с помощью Гаранжи, чтобы жить затем с этим красавцем на положении богатой вдовы?

— Да.

— Не вяжется, Павел Афанасьевич. Наш поручик что, заранее предполагал, что ему в Нижнем понадобится кого-нибудь прикончить? И потому прихватил с собой с Кавказа ядовитых перепелов?

— Ну, это он тебе сказал, что привез их с собой с Кавказа в самый приезд сюда. А не получил пару недель назад с оказией... Допроси лесничего, проверь почту поручика. Поговори с соседями по Молитовке — люди наверняка судачили по поводу визитов бывшего офицера к молодой жене старого мануфактуриста. Пока ясно одно: указ об отставке поддельный и наш лихой поручик Гаранжи может оказаться беглым каторжником Ивановым.

— Возражаю, Павел Афанасьевич. Затевать такое дело, как убийство, под видом случайного отравления с целью получения наследства... Он не мог не предполагать, что мы вывернем наизнанку все его прошлое. Может быть, наш адонис и не поручик в отставке, а портупей-юнкер, выгнанный за развратное поведение, но он точно Гаранжи.

— Это нам выяснит Форосков. Завтра утром пусть выезжает в Тифлис. У меня там есть старый должник: сейчас он помощник обер-полицмейстера Тифлиса. То,

что надо. В 1876 году Ваню Мачутадзе приезжал к нам на ярмарку и здесь у него украли жену.

— Жену? У нас в Нижнем?

— Да. Это здесь людоедство, слава богу, не развито, а на Кавказе, сам знаешь, обычное дело. Ваню служил тогда частным приставом и расследовал убийство князем Кипиани своего камердинера. И, чтобы помешать делу, князь похитил его супругу. Мачутадзе с ума сходил оба дня, что я искал людоедов. А когда нашел, муж отправился со мной на приступ (женщину укрывали на расшиве, за Песками) и зарубил своей «гурдой» двоих бандитов. Представляешь? Вбежал на палубу — и, безо всяких разговоров, в капусту... У нас за такое — сразу бы под суд, а на Кавказе Ваню повысили в чине! Так что я дам Фороскову письмо к Мачутадзе, и тот окажет всю необходимую помощь. А сейчас иди. Скатайся с Гаранжи в Молитовку, допроси всех, кого надо, и завези оставшихся на леднике перепелов Милотворскому. А я поговорю с молодой вдовой и ее нотариусом. Ежели успею, то и с «патрицием», то бишь младшим Бурмистровым. Все, до вечера!

Беседа со вдовой заняла у Благово около часа. Пришедшая уже в себя, та оказалась все такой же некрасивой, какой была и вчера. Молодая — двадцати лет от роду — она не обладала даже тем, что есть у всех в этом возрасте, — обаянием юности. Тучная, пресная и не очень умная, Бурмистрова подтвердила рассказ Гаранжи и о перепелах, и о завещании. Причем сло-

во в слово. Сделалось очевидным, что она играет роль в пьесе, умело написанной отставным поручиком. Вдова долго обдумывала каждое слово (видимо, вспоминала инструкции «друга дома»), отвечала путано и косноязычно. Однажды, проговорившись, она назвала Гаранжи Базилом; упоминая о нем, Анастасия Павловна сбивалась с дыхания и краснела.

Окончательно все прояснилось для Благово, когда вдова назвала фамилию их семейного нотариуса — им оказался убитый Антов! Как только это прозвучало, коллежский советник остановил ее и вышел на подъезд. Подозвал городского от экипажа и приказал:

— Лети сей же час в Молитовку, там мой помощник опрашивает обывателей. Разущи его и передай приказ: немедленно сделать внезапный обыск на квартире лесничего Турусова в поисках улик убийства стряпчего. Понял? Пулей!

После чего вернулся в гостиную, уселся напротив вдовы, пристально посмотрел ей в глаза и спросил:

— Значит, завещание существует?

— Да, я же вам говорила...

— И где оно сейчас?

— У Парфена Семеновича в конторе.

— А где сам Парфен Семенович?

— Где ж ему быть? В конторе, полагаю, сидит, на Рождественской улице.

— Вы будто бы и не знаете, что с Антовым случилось несчастье?

— Какое несчастье? — неумело разыграла удивление Бурмистрова. — Что-то вы недоговариваете, господин коллежский советник. На нехорошее намеки делаете... Я теперь беззащитная вдова, меня каждый обидеть может. И не стыдно вам пользоваться чужим горем?

— Стыдно, сударыня, должно быть вам. Зарубили бедного стряпчего топором, мужа отравили под видом несчастного случая, подделали завещание — и думаете, это все сойдет вам с рук?

И тут вдова сильно удивила сыщика. Он ожидал истерик, ложного возмущения или угроз пожаловаться государю, но ничего этого не было. Анастасия Павловна откинулась на спинку дивана, посмотрела на коллежского советника вызывающе спокойно и сказала:

— А вы сумеете доказать хоть что-нибудь из того, что сейчас наговорили?

— Обещаю вам, сударыня, что докажу все.

— То-то вы с Лельковым обмишурились — весь город до сих пор смеется... И со мною так же обмишуритесь! Вот что я вам скажу, господин Благово: когда поймаете нас с Базилем за руку, тогда я буду принуждена слушать ваши дерзости. А до той поры — попридержите язык. Не то я в суд подам за клевету!

— Стало быть, завещание у Подгаецкого?

— Ну, если вы говорите, что с Парфен Семенычем случилось какое-то несчастье, значит, тогда бумаги у Андрея Александровича.

— А свидетели небось Гаранжи и Турусов?

— Нет, только Турусов. Это допускается по закону, ежели есть нотариус с помощником.

— И Парфен Семеныч за несколько дней до своей смерти заверил духовную вашего супруга?

— Насчет смерти, повторяю, я не знаю ничего, а духовную Анто́в заверил. Честь по чести. А Подгаецкий занес в журнал и взял с моего мужа гербовый сбор. Спросите у него, он подтвердит.

Благово молча встал и вышел вон. Мрачный, он вернулся в управление и обнаружил у себя на столе визитную карту младшего Бурмистрова, Дмитрия Михайловича.

— Не захотел задержаться ни на минуту, — пояснил секретарь. — Велел передать, что ждет вас на дому с двух до трех для важной беседы, а адрес, мол, они знают.

Место жительства богача и впрямь было широко известно. Эти Бурмистровы жили неподалеку от тех, в новом роскошном особняке на Жуковской. Во весь квартал до Волжской набережной тянулся еще более роскошный сад с оранжереями, фонтаном, пальмами в кадках и двумя живыми павлинами, гулявшими по дорожкам. Видимо, Дмитрий Михайлович решил сразу обозначить скромному начальнику отделения, кто сколько стоит.

— Так... Немедленно вызвать ко мне этого третьего павлина на допрос, завтра к половине седьмого утра. Повесткой, врученной городовым под расписку. В по-

вестке указать, что, буде не придет, его доставят сюда силой. Совсем третье сословие распоясалось... Что с нами будет, когда они дорвутся до власти?

До обеда Благово занимался Подгаецким и завещанием. Текст последнего, привезенный помощником нотариуса по требованию полиции, гласил:

«Составлено 10 мая 1880 года в конторе стряпчего Антова П. С., что по улице Рождественской, в доме Обрядчикова, во втором этаже, в присутствии одного свидетеля.

Мною, Иваном Михайловичем Бурмистровым, составлено и подписано сие духовное завещание о ниже следующем.

Все мое движимое и недвижимое имущество без изъятий остается моей любимой супруге Анастасии Павловне в полное безраздельное владение.

В течение года после моей кончины вложить ей в кредитные учреждения двадцать пять тысяч рублей на поминание в пользу священноцерковнослужителей, монастырей и в богоугодные заведения по ея, Анастасии Павловны, выбору. С тем, однако, чтобы упомянутые двадцать пять тысяч рублей оставались в бумагах, а пользоваться только процентами с них.

Пятьсот рублей подарить приюту графини Кутайсовой, коего я являюсь одним из попечителей.

Особо внести в кредитные учреждения капитал в десять тысяч рублей, с перечислением процентов от них

в пользу города Нижнего Новгорода на устройство казарм.

Иван Бурмистров.

Свидетелем был государственный лесничий губернский секретарь Иван Петрович Турусов.

Писал завещание нотариус потомственный почетный гражданин Парфен Семенович Антов, заверил помощник его личный почетный гражданин Андрей Александрович Подгаецкий».

— Ну-с, господин Подгаецкий, расскажите теперь, как все было на самом деле.

— Да так вот и было, как всегда такие дела случаются. Где-то в начале февраля Бурмистров приехал к Парфену Семеновичу и попросил дать разъяснения, что станет с его капиталом, ежели вдруг он умрет без завещания. Антов, конечно, ответил: четверть движимого имущества вдове, а все остальное — его брату, Дмитрию Михайловичу. На это Иван Михайлович сказал, как будто про себя: «Значит, меня не обманули».

— Что, по-вашему, это означало?

— Видите ли, Анастасия Павловна не пользовалась симпатией тех Бурмистровых, а между тем именно Дмитрий Михайлович держал в руках семейное дело. Для нее была явная опасность остаться после смерти мужа нищей, и кто-то из знакомых об этом сказал.

— Гаранжи?

— Что «гаранжи»?

— Вы не знакомы с отставным поручиком Василием Гаранжи?

— Не имею чести.

— Ладно, пойдем дальше. Эта беседа состоялась в первых числах февраля. А десятого марта Иван Михайлович приехал со свидетелем и надиктовал завещание?

— Да. Он приехал перед обедом. С ним был некий Турусов, лесничий шуваловской дачи. Бурмистров потребовал немедленно сделать его духовное завещание и законным образом зарегистрировать его. Парфен Семеныч быстро составил текст на основе устных указаний завещателя и переписал его своей рукой. Так положено, ежели это в конторе делается, а не у себя дома на смертном одре, например.

— Я знаю, продолжайте.

— Да все уже. Я внес необходимую запись в реестр, взял пошлину...

— Господин Подгаецкий, вы настаиваете на своих показаниях? Вам известна уголовная ответственность за ложные сведения следствию? А за соучастие в убийстве?

— Потрудитесь пояснить, господин коллежский советник, что вы имеете в виду? — агрессивно, без тени смущения парировал помощник нотариуса.

— Вы понимаете, чем рискуете? Гаранжи уже убил двух человек. Вы следующий — он не оставит в живых такого свидетеля.

Щеки у Подгаецкого порозовели, в глазах мелькнуло на миг сомнение, но тут же ушло.

— Я готов повторить свое показание под присягой. Сверьте почерки!

— Наука еще не умеет безошибочно отличать подделку почерка, и вам это известно. Есть другие доказательства?

— Доказательство — это мои слова. А у вас есть чем их опровергнуть?

— Пока нет.

— В таком случае, господин коллежский советник, позвольте откланяться.

Так Благово потерпел второе поражение подряд. Неужели будет, как тогда с Лельковым? Бурмистрова говорит — весь город смеется... А что поделаешь? Не отправишь же человека на каторгу, не имея доказательств. Может быть, Лыков нароет что-нибудь в Молитовке? Но Павел Афанасьевич уже почувствовал руку хорошего организатора всего этого преступления. Гаранжи — больше некому. Вон как этих двоих срепетировал: не подкапашься!

Начальник сыскной полиции взял лист бумаги и записал основные направления следствия. Обыск на даче, встреча с Бурмистровым-младшим, разыскания на Кавказе. И самое главное — допрос кухарки. Если будет доказано, что перепелов готовили в разной посуде — Гаранжи конец!

Размышления его прервало появление подполковника Курилло-Сементовского, помощника полицмейстера, красавца и первого в городе бабника.

— Паша, — спросил он, располагаясь на диване (Благово спал на нем, когда ночевал в управлении), — что у тебя случилось с Дмитрием Бурмистровым?

— Вызвал его на завтра на допрос. А что?

— Он только что ушел от меня. Донельзя возмущенный! Якобы ты грозил привести его в управление полиции силой.

— И приведу, если не явится сам. Представляешь, этот нахал передал через секретаря, что ожидает меня для беседы у себя дома. И время назначил: с двух до трех. Каково?

— Недурно пущено. К нему домой и я бы не поехал. У Бурмистрова садовник получает столько же, сколько мы с тобой, вместе взятые.

— Не может быть! — ахнул Благово. — Садовник — как два подполковника? Это ты загнул, мон шер.

— Зуб даю! Вот у тебя какое содержание?

— Полторы тысячи жалованье, затем квартирные, и еще на дрова и на свечи. На круг выходит около двух тысяч рублей.

— Ну и у меня примерно столько же. То есть собственно жалованья мы с тобой имеем на двоих три тысячи. Именно столько получает бурмистровский садовник-немец, и это — на всем готовом!

— Вот и лови им после этого убийцев, — пригорюнился Благово. — А помрешь нищим... Ладно, Митрофанчик, — царю-батюшке виднее. Давай выпьем чаю. С горя.

После чаепития Курилло-Сементовский ушел к себе наверх, а вместо него появился ротмистр Фабрициус. И тоже передал стенания Дмитрия Бурмистрова на невежливость начальника сыскной полиции! Похоже, мануфактурщик объезжал весь город с рассказами о нанесенной ему обиде. Благово посмеялся, но и порадовался про себя, что Кутайсов уже не губернатор. К новому начальнику губернии «патриций» втереться еще не успел. Ну, получит он завтра щелчка по носу...

Уже в темноте вернулся Лыков и привез с собой Турусова. Три оставшихся перепелиных тушки он вручил Милотворскому. Как и ожидалось, обыск квартиры лесничего ничего не дал: окровавленных топоров не обнаружили. Обитатели Молитовки полиции избегают, на вопросы отвечают через силу и весьма ненаблюдательны. Да, приехал долговязый, хорош собою и поселился у лесного человека. Да, ходили они вместе к Бурмистровым. А куда им еще в деревне ходить? К бабке-знахарке или к Архипу-пьянице? Единственное общество здесь — это дача мануфактурщика. А уж что там делалось, на даче-то, мы того не ведаем...

Павел Афанасьевич допросил Турусова, но без вдохновения. Он знал, что и здесь удачи не поймать.

Действительно, «лесной человек» очень спокойно и немного заученно подтвердил все, что уже было известно сыщикам, с несколькими лишь мелкими подробностями. На вопрос, во что был одет Иван Бурмистров, ответил без запинки. Чувствовалась та же знакомая рука организатора. Гаранжи придумал систему взаимоподтверждающих показаний, когда свидетели, сговорившись, подкрепляют друг друга. Конечно, полиция могла бы за несколько недель непрерывных допросов и очных ставок расколоть этот фронт — и Турусов, и особенно Бурмистрова не выглядели людьми с сильной волей. Но сделать это можно, лишь разъединив и изолировав всех четверых участников дела, то есть арестовав их. А кто же даст ордер на арест? Никаких формальных для этого оснований сыскная полиция не имела.

Отпустив лесничего, Благово с Лыковым еще долго изучали завещание покойного Бурмистрова. Они отобрали образцы деловых бумаг и сличали руку Ивана Михайловича, стремясь обнаружить подделку. Очень похоже! Присяжные даже и не усомнятся. Тот, кто это сделал, замечательный копиист. Известно: русская земля полна талантами. Такими, что у себя на кухне двадцатипятирублевый билет нарисуют не хуже, чем в Экспедиции заготовления государственных бумаг...

Посланный на поиски кухарки Титус так до конца дня и не появился. Видать, уж очень глубоко зарылась проклятая баба...

В половине седьмого утра, когда Павел Афанасьевич допивал свой чай, секретарь ввел в его кабинет «патриция». Коренастый, с лысиной и животом, с хитрыми и умными глазами, мануфактурщик начал с извинений за свое вчерашнее поведение. Бес, мол, попутал: сильно переживаю потерю брата... Благово кивнул и без долгих эквивоков спросил:

— Ваш брат не обладал ведь сколь-нибудь значительным движимым имуществом?

Бурмистров несколько секунд молчал, словно не веря своим ушам, потом вскочил:

— Значит, вы все поняли?

— Садитесь. Понял-то я все, доказать ничего пока не могу.

— Хорошо уже то, что вы столь умны, господин Благово. Признаться, я был худшего мнения о нашей полиции. Завещание она вам уже предъявила?

— Да, но не она, а помощник убитого ими Антова — он тоже в деле. Как и ожидалось, все вдове. И есть свидетели, что Иван Михайлович лично подписал духовную. Почерк, естественно, подделан, но мастерски.

— Как же теперь быть? Вы же видите: убийцы, душегубы пируют на могиле... И мы ничего не можем им предъявить?

— Нужны улики.

— Там сговор? Они свидетельствуют друг за друга?

— Несомненный сговор, но очень умный — придраться не к чему.

— Посадить их на хлеб и воду! Допрашивать без сна и отдыха!

— Для ареста нет формальных оснований. Такое бывает в нашем деле, господин Бурмистров. Мы же не опричники — для нас существует закон.

— Да, это им все можно... Значит, как с Лельковым?

— Ну, это лишь пока. Гаранжи хитер, но все предусмотреть трудно. Мною послан агент на Кавказ, для собирания сведений о его прошлом. Мы ищем кухарку, что готовила то смертельное варево, — она самый важный свидетель. Вы тоже могли бы нам помочь.

— Каким же образом?

— Подгаецкий явно подкуплен. Но с вашими капиталами...

— Понял! Вы предлагаете мне его перекупить?

— Да. Сколько вдова с поручиком могли ему дать? Предложите вдвое, втрое больше, и все равно останетесь в выгоде. Там корысть, жадность и ничего другого. Интересы помощника нотариуса узки и материальны, сыграйте на этом. Анастасии Павловне есть что терять, а этому хлюсту — только репутацию.

— Я, кажется, даже знаю, за какую сумму продался Подгаецкий. У брата из стола пропали непрерывно-доходные четырехпроцентные билеты Государственной комиссии по погашению долгов. Общая стоимость бумаг — пятьдесят тысяч рублей. Я был там вчера, говорил с этой стервой и обыскал весь дом, невзирая на ее визг. И билетов не нашел!

— Полагаю, доля Ивана Михайловича в семейном деле стоит существенно дороже.

— Она оценивается в полтора миллиона. И вы правы: сколько бы ни запросил этот гаденыш, лишь бы сообщил правду — я все равно окажусь в выигрыше.

— Займитесь этим немедленно, а я продолжу свои поиски. О чем я вам рассказал — никому ни слова!

— Понимаю, господин Благово, и ценю ваши усилия. Будьте уверены, они не останутся без вознаграждения.

— То есть? — насторожился коллежский советник.

— Что ж тут непонятного? Барашка в бумажке ♦ поднесу, из руки в руку; никто и не узнает.

— Господин мануфактурщик! — рявкнул Благово. — Если еще хотя бы раз вы скажете мне такое, обещаю: пойдете под суд за оскорбление представителя власти. Два месяца арестного дома! С метлой в руках...

Бурмистров выскочил из кабинета, как пробка из шампанской бутылки.

Утром 2 апреля, после трехдневного отсутствия, в управлении появился Титус. Он зарос щетиной и имел усталый вид. Ян нашел и привез с собой бурмистровскую кухарку, ту самую, что готовила злосчастных перепелов.

Кухарка оказалась бесцветной, самого мещанского вида женщиной лет тридцати пяти, с круглым лицом и упрямыми глазами. Звали ее Евдокия Киенкова. Оставив свой трофей в приемной, Титус сначала зашел к Благово один и доложил:

♦ «Дать барашка в бумажке» — выражение, известное еще с XVIII века, когда подношения делали и в денежной, и в натуральной форме; обозначало именно денежную взятку.

— В Лыскове обнаружилась. Легкой беседы не будет: ее хорошо подговорили, как надо отвечать. И подкупили притом. Позавчера Евдокия приобрела мясную лавку на главной улице и выложила за нее пять тысяч рублей.

— Ого! И как она объясняет, откуда у нее такие деньги?

— Дозвольте ее завести, пусть сама расскажет. Но мы с ней намучаемся!

Благово вздохнул и приказал впустить.

Титус не ошибся в дурных предчувствиях. Целый час Киенкова выдерживала допрос начальника сыскной полиции и ни разу не сбилась. В самом главном пункте своих показаний она стояла особенно твердо. Дичь, сказала Евдокия, была приготовлена в одной большой утятнице, все три тушки вместе.

— Как же они туда поместились? — пытался смутить кухарку Благово.

— Да мы в них зайцев жарим, ваше высокоблагородие, и ничего, убираются.

— А откуда у тебя деньги на покупку мясной лавки? Пять тысяч — очень порядочная сумма.

— Хозяйка дала, Анастасия Павловна.

— За какие такие заслуги? Нешто кухаркам такие деньжищи кто дарит за просто так?

— Она сказала — никто мне не поверит, что это не я отравила Ивана Михайловича, и много мне придется вынести теперь мук и наветов. И видать, что не оши-

блась! Вот и вы, ваше высокоблагородие, меня в том обвинить хотите. Анастасия Павловна, добрая душа, дай ей Бог здоровья, все предвидела. Тебе, Евдокия, сказала она, лучше будет уехать в свое Лысково. И жить там тихохонько; здесь, в Нижнем, ты никакой службы уж больше не найдешь. Потому — пятно на тебе. И дала мне денег на обзаведение — их у нее теперь много...

— И ты думаешь, суд в это поверит? Разве не понятно всем, что такие деньги платят только за молчание, за сокрытие преступления?

— А придется верить, барин. Вы спросите у хозяйки — она подтвердит!

— Она-то, конечно, подтвердит. Евдокия, послушай меня внимательно. Ты затеяла худое дело, противохристианское. Анастасия Павловна Бурмистрова вместе с Гаранжи — убийцы. На них кровь двоих человек. А ты, православная, их покрываешь. Врешь мне прямо в глаза — мы оба это знаем. Готова ты присягнуть на Священном Писании, что дичь готовили в одной посуде?

Киенкова смутилась и надолго замолчала. Видимо, разные чувства боролись в ней в тот момент. Павел Афанасьевич внимательно наблюдал это, но тоже молчал. Все решится здесь и сейчас — или-или... Никакие дополнительные слова не помогут, только навредят. Человек решает, гореть ли ему в аду...

Через минуту кухарка подняла голову и посмотрела сыщику прямо в глаза. Щеки ее стали пунцовыми, но взгляд не был смущенным, скорее, наоборот.

— А вы знаете, ваше высокоблагородие, каково это нам, девушкам, в кухарках-то быть у чужих господ? И такие разные бывают господа... Что я вытерпела от них, и говорить стыдно. Тяжелая у нас, у прислуги, жизнь, просвету не видать, и нищей помирать. Горе свое, а веселье краденое... А тут я сама себе хозяйка! Лавочка дает достаточный доход. И еще: человек ко мне сватается. Солидный, непьющий. Вдовец, и тоже свое дело в Лыскове имеет. А вернусь я назад в кухарки, думаете, станет он на мне жениться? Возраст опять у меня, скоро совсем старая стану, никому не нужная. Детишек понячтить хочется. Нет! Ничего я вам не скажу.

— Значит, за золото душу свою продаешь, Евдокия? Бессмертную душу. Где же тогда правда, ежели убийцы без наказания останутся?

— А правды, барин, на этом свете никогда и не было. Разве только для вас, господ, но не для нас. Нет! Коли судьба решила, так тому и быть. Сама-то ведь я никого не убила! Геенны вашей, может, еще и нет, а лавочка мясная есть. Главное же — детишек хочу. А вы меня последнего счастья лишить желаете. Каждый человек обязан допрежь всего об себе думать. Такие карты нам, нищете, единый раз в жизни выпадают. Ничего я вам не скажу...

С тем Киенкова и ушла. Сейчас сбегает к своей бывшей хозяйке, отчитается — и опять в Лысково, торговать мясом. Благово понимал, что отпускает главного свидетеля. Как же заставить проклятую бабу сказать правду?